

Чжан Бухуэй лежал на ослепительно-белой кровати и непрерывно бормотал что-то сам с собой. Выражение его лица то и дело менялось: он то напрягался, то печалился, то гневался. Его брови были нахмурены, а обе руки судорожно вцепились в простыню. Сцены сражения одна за другой мелькали перед глазами, словно прокручиваемая на киноэкране плёнка, непрерывным потоком проносясь в его голове.

— Брат Му... Брат Му... Проклятый Круди! Я убью тебя! А-а-а!

Резко сев, он увидел перед собой сплошную белизну: белые палатки, белые простыни, белый стол, а на нём — вазу с белыми лилиями. Опустив взгляд на себя, он обнаружил, что на нём надета такая же белая одежда, вызывающая у него смешанные чувства.

— Где это я? — задаваясь вопросом, Чжан Бухуэй огляделся по сторонам, пытаясь отыскать хоть какую-то зацепку в этом белоснежном мире.

В этот самый момент, когда он продолжал осматриваться, белая занавеска откинулась. Перед ним предстал изящный силуэт: ангельское лицо, стройная фигура и пара тонких нефритовых рук, державших медицинский поднос. На подносе стояла чашка с водой и аппетитное яблоко. Кто же это был, если не Е Тяньэр?

Чжан Бухуэй невольно засмотрелся на неё, но его тело, судя по всему, ещё не было готово поддерживать его в сидячем положении столь долго. Ослабевшие руки подкосились, и он уже собирался рухнуть обратно, как Е Тяньэр, заметив это, быстро поставила поднос на стол и поспешно бросилась вперед, чтобы поддержать ослабленного юношу. Подхватив подушку, она прислонила её к изголовью кровати, бережно уложила парня спиной назад, нежно подоткнула за ним одеяло и села рядом.

— Ты очнулся? — её мягкий голос, казалось, был готов растопить сердце Чжан Бухуэя. Некогда этот голос служил для него источником сил, не позволявшим пасть духом. Похоже, отец был прав: лишь любовь способна пробудить поразительный потенциал, и пока в твоём сердце живёт любовь, твоя сила будет неисчерпаема.

— Угу! — еле слышный звук служил ответом на слова Е Тяньэр. Заметив растерянность в его глазах, полных вопросов, девушка легко улыбнулась и произвела: — Это лазарет. Тебя сюда принесли солдаты вашего отряда.

Слегка выдохнув, Чжан Бухуэй понял, что битва закончилась. Он помнил лишь то, как во время вражеской осады у него начались галлюцинации, а всё, что было после, стёрлось из памяти. Возможно, он потерял сознание слишком рано, и братья из Лагеря Клыков вовремя подоспели, не позволив солдатам Кланата Демонов убить его. Откуда ему было помнить, что именно из-за него Лагерь Клыков переломил ход проигранного сражения? Он помнил лишь то, что за пару секунд до приступа безумия его голова едва не раскалывалась от боли.

— Сколько я был без сознания? — Чжан Бухуэй покачал головой и поморщился: до чего же паршивое ощущение! Голова казалась тяжёлой, а тело — ватным.

— Дай-ка подумать... Раз, два, три... Мм! Ровно четыре дня, — Е Тяньэр загнула пальцы и уставилась на потолок, изображая усердный подсчёт. Этот жест выглядел невероятно мило.

— Ох! Четыре дня?

— Что, не веришь? Можешь спросить у вашего командира Ляо, маршал Ян тоже знает. Какая у тебя всё-таки важная персона! Ты и не представляешь, маршал Ян и командир Ляо навещали тебя каждый божий день. Маршал даже велел мне тотчас же доложить ему, как только ты придёшь в себя. Что ты такого сотворил, раз сам главнокомандующий полумиллионной армией так печётся о каком-то новобранце?

Е Тяньэр пренебрежительно скривила губки, непринужденно взяла со стола яблоко и принялась чистить его прямо у постели Чжан Бухуэя.

Острый ножик легко и ровно скользил по мякоти, срезая длинную спиральку кожуры. Белоснежные пальцы порхали словно в танце, а прекрасная девушка, сосредоточенно глядя на яблоко в руках, напевала себе под нос: — Больным нужно больше фруктов, чтобы восполнить силы и быстрее пойти на поправку.

— Если бы так могло продолжаться вечно... как же это было бы прекрасно! — мысленно взмолился Чжан Бухуэй, не отрывая восхищённого взгляда от каждого движения Е Тяньэр.

— Ну-ка, открой рот, а-а! — Е Тяньэр аккуратно отрезала ножиком кусочек мякоти и осторожно поднесла его к губам Чжан Бухуэя. Тот послушно приоткрыл рот и откусил лакомство: вкус оказался необычайно приятным — кисло-сладким и освежающим. Не успел он толком распробовать угощение, как подоспел второй кусочек, который он проглотил без колебаний, и, не дожидаясь третьего, сам нетерпеливо приоткрыл рот.

— Эй! Потише, куда ты спешишь? — Е Тяньэр то и дело подносила ломтики яблока, попутно управляясь с ножом, и, конечно же, не успевала за Чжан Бухуэю, которому требовалось лишь вовремя открывать рот.

— Хе-хе! — Чжан Бухуэй понятия не имел, что ответить, и просто глупо ухмыльнулся.

— Ну ты и дурачок! — Е Тяньэр бросила на него выразительный взгляд и продолжила своё дело.

— Так, давай ещё кусочек.

Чжан Бухуэй только собрался приоткрыть рот, как дверь отворилась и внутрь вошёл внушительный силуэт. Прекрасные моменты вечно носят свойство прерываться в самый неподходящий момент; сейчас Чжан Бухуэй был готов подскочить и пронзить копьём незваного гостя, а затем ещё и оттоптать его раз сто.

— Ого! Я надеюсь, я вам не помешал? — вошедший замер на месте, окинув их застывшие позы насмешливым взглядом.

Узнав гостя, Чжан Бухуэй покрылся холодным потом. О боги, спасите мою душу! К нему пожаловал сам маршал Ян. Всего пару секунд назад он мысленно планировал, как бы вытолкать этого надоедливого нарушителя спокойствия, а юноша теперь изо всех сил пытался приподняться, чтобы отдать честь.

— Ой! Не двигайся, ты ещё слишком слаб, — поспешно остановила его девушка.

— Ладно-ладно, лежи уж. Я пришёл навестить нашего маленького героя, — с доброй улыбкой произнёс маршал Ян, подойдя к кровати и присев на её край.

— Прекрасная барышня-медик, позвольте этому старому псу пообщаться с бравым парнем? — с наигранной серьёзностью обратился к ней маршал.

— Слушаюсь! Я пока выйду. Если почувствуете себя плохо, можете звать меня в любой момент, я буду в палатке снаружи, — пробормотала покрасневшая девушка, опустила голову, подхватила поднос и выскочило из палатки так, будто спасалась бегством.

Убедившись, что девушка ушла, Чжан Бухуэй всё же попытался приподняться, чтобы поприветствовать маршала: — Приветствую маршала Яна! Прошу простить вашего подчиненного за слабость, я не в силах встать.

— Ха-ха, пустяки, не стоит, — добродушно рассмеялся маршал Ян.

— Ты... ведь Чжан Бухуэй? — перешёл он сразу к делу.

— Так точно.

— Есть ли у тебя ещё живые родственники?

— Отец скончался десять лет назад, у меня есть еще матушка, но я её пока не отыскал.

— Ха-ха, давай обойдёмся без этих официальных обращений, когда беседуем с глазу на глаз, а то от вечного твоё подчинённое уже в ушах звенеть начинает, — с ласковой улыбкой и шутливым упрёком произнёс маршал.

— Слушаюсь! — перед лицом высшего военачальника Чжан Бухуэй всё ещё чувствовал себя излишне зажатым. Он даже не знал, куда деть руки, и не смел поднять на него взгляд.

— Мне в этом году исполнилось семьдесят пять, я провёл в сражениях больше полувека, но детей и внуков Бог мне не дал. Есть лишь дочь, которая давно вышла замуж. Глядя на тебя, я чувствую необыкновенное тепло и так сильно хочу обрести внука, — в глазах Ян Мужуна мелькнуло тень сожаления. Каждый раз, видя, как его боевые товарищи давно окружены толпой детей и внуков и наслаждаются семейным уютом, уйдя в отставку, он чувствовал укол в сердце. Сам он не желал оставлять службу — он слишком привык к полям сражений, но с возрастом одиночество давало о себе знать. Если к старости некому даже проводить тебя в последний путь — это поистине горькая участь.

— Ва... я... я не смею! — сердце Чжан Бухуэя забилося от неожиданности, словно взволнованное море. Услышав слова Ян Мужуна, он несомненно захотел согласиться: он целое десятилетие жил в одиночестве, и хотя привык рассчитывать лишь на себя, ему тоже хотелось иметь родного человека, с которым можно было бы разделить и радости, и горести. Но в то же время он не смел дать согласие: он всего лишь мальчишка с молоком на губах, а не какой-нибудь обычный человек — точнее, его покровитель был человеком из ряда вон выходящим. Он понимал, что если согласится, его карьера взлетит вверх со скоростью ракеты.

— Бухуэй! Могу я звать тебя Бухуэй? — Ян Мужун понизил голос. В этот момент старый генерал словно преобразился, и Чжан Бухуэю показалось, будто перед ним сидит вовсе не имперский маршал, а добрый дедушка.

— Конечно. Командир Ляо и брат Му зовут меня именно так.

— Вот и ладно! Бухуэй, ты отказываешься признать меня дедом из-за моего высокого положения? — немного подумав, Ян Мужун сразу догадался, в чём причина нерешительности парня.

Чжан Бухуэй ничего не ответил, лишь поднял глаза на Ян Мужуна, не зная, как парировать.

— Ха-ха, я так и знал. Давай поступим так: ты зовёшь меня дедом, а я признаю тебя своим внуком. Обещаю тебе здесь и сейчас: мы породнимся без оглядки на титулы и звания, и в дальнейшем твой путь будет зависеть исключительно от тебя самого. Кем бы ты ни решил остаться — простым солдатом до конца дней или генералом, — я обещаю не вмешиваться. Что скажешь?

Понуриив голову и немного подумав, Чжан Бухуэй наконец принял решение. Порой ему казалось, что иметь ещё одного близкого человека — это замечательно, и тогда ему больше не придётся изливать душу камням и деревьям каждый раз, когда навалится тоска. Подняв взгляд, он кивнул Ян Мужуну.

— Ха-ха-ха! Хорошо, прекрасно! Подумать только, на старости лет я, Ян Мужун, обрёл внука. Хороший мой, ну-ка, назови меня дедушкой, — увидев кивок Чжан Бухуэя, Ян Мужун переполнился эмоциями, и даже уголки его глаз слегка увлажнились.

— Мм... де... дедушка, — незнакомое слово с трудом сорвалось с губ Чжан Бухуэя. На душе у

него при этом было радостно и тревожно: с сегодняшнего дня в этом мире у него появился ещё один родной человек, разве мог он не радоваться?

— Хорошо, хорошо, хорошо! Дедушка хочет спросить тебя: кем тебе приходится некий Чжан Пинфань?

— А! Вы знакомы с моим отцом? — изумлению Чжан Бухуэй не было предела. Он понятия не имел, что в сердцах жителей Империи его отец почти приравнен к божеству; он знал лишь то, что однажды отцу предстояло отправиться в дальнюю дорогу, перед уходом он вручил маленькому Бухуэю нефритовую пластинку и сказал: — Сынок, отец уходит в дальний путь и неизвестно, вернётся ли. Я оставляю тебе эту пластинку на хранение: красная точка внутри — капля моей крови. Если однажды она внезапно расколется, это будет означать, что меня больше нет в живых. Тебе придется рассчитывать только на себя, а еще — отыскать свою мамушку, понял?

Тогда маленький Бухуэй с видом знатока покивал и растерянно проводил отца взглядом от самого порога дома, пока тот не скрылся за деревенской заставой.

— Он действительно твой отец? Не мог бы ты описать его приметы? — Ян Мужун опасался, что речь идет о разных людях, ведь тёзок в Империи хватало, и ему требовалось абсолютное подтверждение.

— Приметы? Когда отец уходил, мне было всего шесть лет, и память у меня сохранилась смутная. Я помню лишь, что он был со мной очень строг и каждый день заставлял тренироваться ещё до рассвета, но при этом он никогда меня не бил. В остальное время отец относился ко мне прекрасно. Как-то раз мне захотелось отведать мясо громового леопарда, и отец отправился на охоту до восхода солнца. Громовые леопарды — звери невероятно быстрые, поймать их жутко сложно. Отец был очень сильным: в те годы он легко мог поднять меня одной рукой, зацепив за одежду. Другого я не помню.

— Вот как? Но ведь всё это не доказывает, что твой отец — именно тот Чжан Пинфань, о котором я говорю. Попробай вспомнить получше, — с горячей надеждой в голосе произнёс Ян Мужун.

— Хм... А! Точно. Помню, как-то раз к нам пожаловали несколько очень рослых людей... Нет, они не были людьми, внешне они немного напоминали Клан Демонов. Они пришли к отцу, но он не велел мне выходить и запер в комнате. Не знаю почему, но они о чём-то спорили, а потом завязалась драка. Один из тех амбалов попытался ворваться в комнату, и отец, опасаясь, что я пострадаю, вдруг издал громогласный рев, обращенный к небесам, и его зрачки стали совершенно алыми. Я тогда от страха потерял дар речи. Но вскоре отец с лёгкостью одолел тех демонов.

Чжан Бухуэй ещё не знал, что во время недавнего сражения несколько дней назад его собственные зрачки точно так же покраснели, в точности как у отца. Вот только сам он тогда был без сознания и совершенно не ведал, что произошло после.

— Глаза стали алыми? Это он! Он самый! Бог Войны! Бог Войны Империи... Твой отец — Чжан Пинфань, Бог Войны нашей Империи! Ума не приложу, почему твой отец ни разу не рассказал тебе о своих подвигах, — лицо Ян Мужуна светилось от восторга. На этот раз он сорвал настоящий куш: сын самого могущественного воина Империи теперь приходится ему внуком, и тут уж... шутки зашли слишком далеко!

Радостно потирая руки и глубоко вздохнув, он продолжил расспросы:

— Ты упомянул, что ищешь свою матушку? Если дело обстоит так, то твоя мать с большой вероятностью может быть принцессой Кланата Демонов — Мужун Че, — поглаживая бороду на подбородке и вспоминая былое, проговорил Ян Мужун.

<http://bllate.org/book/21106/2142362>